

(о символическом случае, наложившем “роковой” отпечаток на судьбу автора-повествователя и его соратника), но и в незавершенной повести “Кто он?”, где оклеветанный мужем и арестованная по его доносу героиня (Мария) появляется перед следователем в белом платке. Эта, казалось бы, незначительная деталь становится однако предметом напряженной авторской рефлексии: цветовой символ предстает как ментальный факт.

В заметке от 28 ноября 1964 г. Абрамов размышлял: “Белый платок. Может быть, он на самом деле и не был таким белым. Может быть, я преувеличиваю? Но он действительно остался в моем сознании белым” [30, с. 147]. В сноске-примечании Л. Крутикова-Абрамова отмечает значительность цвета-символа и для творчества писателя в целом: «Стоит вспомнить, что белый платок как поэтическая деталь несколько раз встречался в романах “Братья и сестры”, “Две зимы и три лета”, в облике Анфисы Мининой, постоянной воительницы за справедливость» [30, с. 147]. В “Поездке в прошлое” белый цвет не столько связан с идеей духовной чистоты и правоты, как в других произведениях, сколько с природно-физиологическим рядом, означая и преграду духовному движению, необходимость прозрения, освобождения от решающей пелены. Традиционная идея пути уже в первых строках рассказа предстает как необходимость поиска направления движения: “Снегопад застал их на середине реки. Вмиг стало темно, бело, залепило глаза – неизвестно, куда и ехать” [13, с. 5].

Как ни странно, художественное завещание ведущего “деревенщика” – “Поездка в прошлое”, “Белая лошадь” и “Кто он?” – имеет незавершенно-открытый характер, сосредотачивая читателя на идее бездорожья, тупика. Так в “Белой лошади” речь идет об интеллигенте-идеалисте 1930-х гг., “напрасной жертве”, человеке романтического порыва, напоминающем самому писателю героев Джека Лондона. “Мысль рассказа – крушение идеализма поколения 30-х годов в войне” [25, с. 121] (шире – в сталинском государстве вообще). Символическим воплощением этой трагедии и становится бессмысленная гибель прекрасной белой лошади, подорвавшейся на минном поле.

Итак, открытие исторической правды, мучительные прозрения и самоотрицание для общества, десятилетиями развивавшегося в атмосфере мифологем и культа абсолютной идеи, могут иметь самые разрушительные последствия. Восходя до уровня исторического символа, судьба абрамовского героя переплетается с опытом “перестройки”, позволившей обрести “конвенционального читателя” на уровне верховной власти, но зашедшей в тупик и завершившейся всероссийской депрессией, в том числе и в сфере литературы, не подготовленной еще к искушению свободой.

***

В настоящей статье были рассмотрены лишь некоторые типичные приметы, характеризующие такое малоисследованное явление, как русская “задержанная” литература советского периода. Безусловно, рамки одной статьи не позволяют не только подробно остановиться, но даже в должной мере упорядочить и классифицировать все идентифицирующие это явление черты. Его исследование, очевидно, принадлежит к числу наиболее актуальных литературоведческих задач на ближайший период. Тем не менее уже сейчас – к примеру, на основе разбора абрамовских “задержанных” произведений – мы можем сделать определенные выводы:

1. “Задержанные” произведения органично входят в контекст всего творчества рассматриваемого писателя. Об этом свидетельствует общность многих ментальных и художественных элементов, которые однако проявляются в разной степени и в разных, отличных друг от друга, формах. Тем не менее, нельзя недооценивать и факт различия – именно он способствовал разрушению сложившегося стереотипа восприятия Абрамова как соцреалистического писателя.

2. С другой стороны, “задержанные” произведения русской литературы советского периода могут быть рассмотрены с точки зрения их вхождения в общее русло мировой литературы – по стилю, характеру подачи материала и т.п. Так, к примеру, “задержанные” повести Абрамова входят в metafiction, представленную в мировой литературе именами русских, западных и других писателей.

3. Как правило, “задержанная” литература вступает в явное противоречие с цензурными нормами и требованиями, противоречит общепринятым идеологическим, историческим концепциям. Развитие такого рода произведений определяет внутренний, подавляемый писателем в силу понятных причин, поиск “неудобной”, “странной”, порой страшной и жестокой правды.

4. Одновременно развитие образа автора определяется внутренним поиском “симпатизирующего цензора”, близкого по духу читателя, который мог бы понять скрытые смыслы и подтексты. Именно поэтому главным адресатом “задержанной” литературы становится “конвенциональный читатель”, т.е. близкий автору читатель, воспринимающий текст не буквально, а на основе общей с автором условной рецептивной системы.

5. Можно говорить об определенном “коде прочтения” “задержанной” литературы. Основной его целью, с рецептивной точки зрения, является ориентация читателя на расшифровку скрытых от цензуры смыслов, выявление потаенных пластов “авторского” ментального мира и т.п. Одной из основных единиц этого кода, в случае с